

Кладова Наталья Александровна

**Ф.М. Достоевский и Н.А. Некрасов:
творческий диалог**

Специальность 10.01.01 – русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

**диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Кострома – 2009

**Диссертация выполнена в ГОУ ВПО «Костромской государственный
университет имени Н.А. Некрасова»**

Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор
Лебедев Юрий Владимирович

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Капустин Николай Венадьевич

кандидат филологических наук
Николаева Татьяна Владиславовна

Ведущая организация – ГОУ ВПО «Ярославский государственный
университет им. К.Д. Ушинского»

Защита состоится 19 ноября 2009 г. в 14.00 часов на заседании
диссертационного совета ДМ 212.094.04 при ГОУ ВПО «Костромской
государственный университет им. Н.А. Некрасова по адресу: 156961, г.
Кострома, ул. 1 Мая, 16, корп. «В», ауд. 23.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Костромского
государственного университета им. Н.А. Некрасова.

Автореферат разослан 16 октября 2009 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000530256

Ученый секретарь
диссертационного совета

М.С. Бондарева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Несмотря на то, что по теме «Достоевский и Некрасов» не мало работ, эта проблема далеко еще не решена, в первую очередь, потому, что недостаточно полно рассматривался религиозно-духовный уровень взаимодействия, но именно в этой плоскости лежит основной интерес писателей друг к другу. Современное направление изучения русской классической литературы в аспекте православных духовных ценностей требует иного взгляда на творческий диалог между Некрасовым и Достоевским. Этим обусловлена актуальность работы.

Степень научной разработанности проблемы. В отечественном литературоведении было два периода пристального внимания к теме «Достоевский и Некрасов». Первый – в год столетия со дня рождения писателей, 1921. Но это время не было периодом глубокого научного осмысления творческих взаимоотношений Достоевского и Некрасова. В статьях обзорно намечались биографические пересечения и расхождения двух художников (статьи А. Зарина, Н. В-ва), раскрывалась общая оценка Достоевским творчества Некрасова, в частности в «Дневнике писателя», в речи на могиле поэта (статьи Вл. Боцяновского, А. Кауфмана, Н. Арепьева), содержались какие-либо текстологические замечания (статья К.И. Чуковского). Авторы этих работ выделяли лишь то, что сближает Достоевского и Некрасова – любовь и сострадание к обиженным, гонимым и притесняемым. Позднее стали добавлять: мировоззрение Некрасова, в отличие от мировоззрения Достоевского, тесно связано с русской крестьянской, демократической революцией.

Вторая волна интереса к теме связана с празднованием 150-летия со дня рождения писателей. Это уже было время научного анализа творческого диалога между Достоевским и Некрасовым, хотя и не свободного от идеологии советской власти (а потому повторявшего основные идеи предшествующих работ). В 1971 году появляются статьи В.А. Туниманова, Ф.И. Евнина, Е.В. Стариковой, В.А. Кошелева), статья М.М. Гина, которая позднее выйдет

отдельной книгой «Достоевский и Некрасов», и это единственное более или менее объемное исследование по данной теме. В дальнейшем появятся и другие статьи, раскрывающие тот или иной аспект проблемы (Т.В. Захаровой, Б.О. Кормана, В.Н. Сажина, И. Середенко, Ю.В. Лебедева, М.Я. Блинчевской, В.Н. Азбукина, С.М. Телегина, Е. Отрощенко, М.Г. Уртминцевой, Г.В. Краснова, Н. Бельчикова). Новых работ немного; это – статьи В.А. Викторovichа, А.В. Чернова, Н.А. Наумовой.

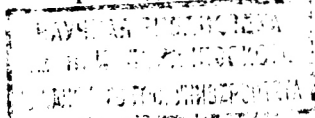
Оценивая в целом указанные выше работы, следует заметить, что подробнее изучена «внешняя», биографическая сторона взаимодействия двух художников (особенно в исследованиях М.М. Гина, Ф.И. Евнина). Что касается содержательной стороны взаимодействия, то общепринятым стало мнение: Достоевского и Некрасова объединяет сочувствие к страданиям народа, боль за «униженных и оскорбленных». Но эта мысль, на наш взгляд, нуждается в значительной корректировке:

1) страдание художественно изображено и у Некрасова, и у Достоевского не только для того, чтобы ему сочувствовать (на это обратили внимание, пожалуй, только Т.В. Захарова и В.А. Викторovich), и рассматривать это понятие нужно только в контексте христианского мировосприятия;

2) объединяющее начало глубже, чем изображение страдания (это намечено в статье А.В. Чернова).

С точки зрения путей возрождения мира Достоевского и Некрасова рассматривали как писателей резко противоположных. Так, М.М. Гин противопоставлял социальный взгляд Некрасова на будущее России вере Достоевского в нравственное преобразование личности. Проведенное нами исследование убеждает в том, что именно в сфере видения пути преобразования русской действительности творчество двух писателей часто пересекалось.

Полагаем, что для более глубокого раскрытия проблемы необходимо выявление не только мировоззренческих идеалов каждого писателя, воплотившихся в том или ином произведении, но и самих принципов

художественного изображения действительности, своеобразия организации художественных миров. Комплекс обозначенных идей и подходов к исследованию составляет **научную новизну** работы.

Объект нашего исследования – творчество Ф.М.Достоевского и творчество Н.А.Некрасова.

Предмет исследования – творческий диалог между Ф.М. Достоевским и Н.А. Некрасовым.

В понятие «творческий диалог» мы включаем и диалог в области художественного слова, т.е. диалогические отношения художественных миров (образов, мотивов, художественных деталей и т.д.), и сопряжения в области литературных, общественных взглядов, биографические пересечения (этим обусловлено деление работы на две главы).

Цель исследования – выявить суть творческого диалога между двумя великими русскими писателями – Ф.М. Достоевским и Н.А. Некрасовым.

Задачи: 1) раскрыть религиозный аспект взаимодействия творчества Достоевского и творчества Некрасова; 2) проанализировать принципы организации художественных миров писателями; 3) определить основные точки пересечения и расхождения художественных миров Достоевского и Некрасова, а также их «биографических» линий, литературно-общественных взглядов.

Структура работы определяется поставленными целью и задачами, а также спецификой исследуемой проблемы: диссертация состоит из введения, двух глав, разделенных на параграфы, заключения и библиографического списка, включающего 284 наименования.

Основные методы, использовавшиеся нами, – историко-генетический (исследовались некрасовские истоки творчества Достоевского) и сравнительно-типологический (сравнивалось творчество Некрасова и Достоевского и выявлялись параллели, не связанные с влиянием одного писателя на другого).

Методологической основой нашей работы стала книга Н.Ф. Будановой «Достоевский и Тургенев: творческий диалог». Работа представляет собой

исследование историко-литературного и сравнительно-типологического характера, при этом автором отмечается то, что диалог ведет преимущественно Достоевский с Тургеневым. Н.Ф. Буданова обосновывает правомерность употребления слова «диалог» следующими аргументами: 1) слово Достоевского, обращенное к Тургеневу, – это ответ на слово, ранее сказанное Тургеневым, 2) обращение двух больших писателей к общим актуальнейшим проблемам своей эпохи также позволяет говорить о диалоге в широком понимании этого слова. В нашем случае ведущая роль в диалоге также принадлежит Достоевскому, но его слово – ответ на слово, ранее сказанное Некрасовым. В рамках широкого понимания слова «диалог» мы рассматриваем и общие для писателей темы, образы, проблемы; и именно в области видения решения одной из самых острых проблем в России XIX века мы обнаружили духовное сопряжение между писателями, их общую мысль о пути к преображенному будущему.

Мы также опираемся на работы М.М. Бахтина, доказавшего то, что диалогичность – принципиальная специфическая черта художественной реальности произведений Достоевского.

Методологическую трудность нашего исследования представляет сопоставление прозы и поэзии. Подобного типа работа написана А.Г. Гачевой, сопоставившей творчество Ф.М. Достоевского и Ф.И. Тютчева (««Нам не дано предугадать, Как слово наше отзовется...» (Достоевский и Тютчев)»). Исследование А.Г. Гачевой нацелено на сравнение идейной составляющей творчества писателей, формальный аспект произведений Достоевского либо Тютчева анализируется отдельно – если это необходимо для раскрытия идейных сопряжений. На этих же методологических принципах строится и наше исследование. Мы не сравниваем отдельные формальные элементы прозы Достоевского и поэзии Некрасова между собой, но учитываем формальные особенности по мере необходимости при выявлении содержательной сути диалога. Правомерность работ, сопоставляющих прозу и поэзию, и даже их больший исследовательский интерес по сравнению с работами, посвященными

сопоставлению прозаических либо поэтических произведений между собой, обосновал А.С. Бушмин в своей книге «Методологические вопросы литературоведческих исследований». Мы также учитываем методику установления взаимосвязей между литературными произведениями, предложенную Р. Узлеком и О. Уоренном. Суть методики состоит в том, что сопоставление параллелей (цитат, заимствований и подражаний) является вспомогательной операцией, поскольку взаимосвязи между произведениями искусства есть предмет критического сравнения двух цельных систем, двух конфигураций, которые лишь на предварительных этапах изучения можно дробить на отдельные компоненты. Мы сопоставляем творчество Достоевского и творчество Некрасова в «размерах» всего творческого пути художников, акцентируем внимание на линиях эволюции двух художественных систем в их целом.

Теоретическая значимость работы состоит в новом аспекте анализа творческих взаимоотношений Ф.М. Достоевского и Н.А. Некрасова – аспекте православных духовных ценностей. Исследование идейных и творческих соприкосновений двух писателей позволило глубже проникнуть в некоторые особенности художественного мира и художественного мировидения каждого писателя. Некрасовские цитаты часто играют «идеоеобразующую» роль в произведениях Достоевского, поэтому анализ этих цитат раскрыл важные особенности художественной структуры произведений писателя. Исследование идейного и творческого развития Достоевского и Некрасова в 40-е годы привело нас к открытию новых граней мироощущения юного Некрасова, в частности, особенностей восприятия им французских утопических идей. Анализ статей Достоевского о Некрасове в «Дневнике писателя» и выявление причин пристального внимания Достоевского к поэту в 1870-е годы позволило обнаружить скрытую полемику писателя с социалистами-народниками.

Практически использоваться результаты исследования могут в лекционных курсах истории русской литературы XIX века, при

монографическом изучении творчества Ф.М. Достоевского и Н.А. Некрасова в средних и высших учебных заведениях.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. В 1840-е годы Достоевский и Некрасов, увлеченные, как и всё поколение эпохи, французскими социалистическими идеями, принимали в этих идеях не стремление утвердить новый социальный строй, но стремление к жизни по христианским заветам, когда человек будет лучше, когда наступит время духовного воссоединения человечества. А в своей ранней прозе оба писателя воплотили состояние мира, в котором между людьми – даже родными и любящими – нет духовных связей, в котором каждый живет в «углу».

2. Для Достоевского и Некрасова 1850-е годы – начало преодоления «угла» через открытие действительной духовной силы русской народной души. При этом Некрасов будет думать о Достоевском, Достоевский – о Некрасове.

3. В 1870-е годы, когда с новой силой зазвучал призыв изменить социальную систему жизни (старый мир) во благо народу, Достоевский показывает опасность этого и на примере творчества и личности Некрасова доказывает необходимость духовного приобщения интеллигенции к народному миру, т.е. к национальным православным ценностям.

4. Эволюция образа человека в творчестве и Достоевского, и Некрасова – путь обретения человеком своего духовного я, выход из «угла» к соборному единению с другими людьми.

5. В художественном воплощении указанной выше мысли между писателями было существенное расхождение, тесно связанное, на наш взгляд, с формальной стороной; по-разному организовывалось художественное пространство произведений Достоевского и Некрасова:

- Внимание Достоевского концентрируется на внутреннем мире отдельного человека, потому что душа каждого хранит Христов свет. Осознав этот свет в себе, человек способен дарить его другим. Свет дарит и падшая женщина, и умудренный старец, и (неосознанно) страдающий ребенок, но не может этого сделать мечтатель, замкнутый в «углу». В

творчестве Достоевского существовал только один путь «противления злу» – христианским исцеляющим светом.

- Внимание Некрасова концентрируется на народном мире в его единстве, т.е. – единении во Христе. Духовную силу обретает тот, кто чувствует свою сопричастность этому миру. Единение есть и в мире крестьянских детей, но не оказалось его в петербургском обществе, которое отвергает падшую женщину, в котором люди разбросаны по «углам». В творчестве поэта «противление злу» возможно даже силой, если душа «преступника» искренне сострадает и болит за других.

Апробация работы. Главы диссертации и работа в целом обсуждались на заседаниях кафедры литературы Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Отдельные положения исследования были представлены в виде докладов на Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (Москва, 2007); на Международной научно-практической конференции «Духовно-нравственные основы русской литературы» (Кострома, 2009); на Областных научных выставках и конференциях молодых исследователей «Шаг в будущее» (Кострома, 2005, 2006); на внутривузовских студенческих научно-практических конференциях «Ступени роста» (Кострома, 2005, 2006, 2007). По материалам диссертации опубликовано 8 статей (в том числе 4 в изданиях, рецензируемых ВАК РФ) и монография.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении обоснована актуальность темы, проанализирована степень ее разработанности в научной литературе, охарактеризована научная новизна работы, указаны объект и предмет исследования, сформулированы его цели и задачи, выявлены методологические основы исследования, определена теоретическая и практическая значимость работы, приведены положения, выносимые на защиту.

В первой главе «Достоевский и Некрасов в общественно-литературной

борьбе 1840-70-х гг.» мы прослеживаем идеологическое развитие, эволюцию мировоззрения Достоевского и Некрасова на фоне идейных исканий эпохи в разные ее временные отрезки, при этом выявляем и характеризуем все «пересечения», духовные «притяжения», т.е. ситуации, когда один писатель в своих размышлениях о происходившем думал о другом, «ссылался» на него. Материал в первой главе разбит по параграфам по хронологическому принципу.

В первом параграфе «Эпоха 40-х годов: сближение с “беззаветным горячим чувством”», проанализировав факты упоминания современниками об отношении Достоевского и Некрасова к популярным в то время французским социалистическим идеям, собственные записи писателей, в частности, о творчестве Жорж Санд, мы пришли к выводу о наличии важных идейных точек соприкосновения между писателями. Этот факт значим для нас потому, что, как известно, после восторженной реакции Некрасова и всей «партии» Белинского на первый роман Достоевского «Бедные люди» возникло непонимание и неприятие идеологов «натуральной школы» (Некрасова, Белинского) дальнейших творческих поисков самобытного писателя Достоевского.

В 40-е годы русской литературной и общественной мыслью был поставлен один основной вопрос – как сделать так, чтобы наступило время, когда все люди будут «братьями». Это было время «святого беспокойства», святой торопливости скорейшим образом приблизить светлое завтра. «Благородные порывы» охватили и Некрасова, и Достоевского. Однако, во-первых, используя мемуарные свидетельства, мы можем утверждать, что и Достоевский, и Некрасов, увлекаясь западными идеями, сознавали, что к русской жизни они не приложимы, что «нам нужно нечто иное». И скоро в творчестве они разорвут этот замкнутый круг, оставивший за своими пределами знание о том, что есть русский народ. Во-вторых, и Достоевского, и Некрасова привлекали в «модных» идеях не планы социального переустройства общества, а надежда на жизнь по заповедям Христа, на духовное преображение человеческой

личности. Именно это подчеркивали Достоевский и Некрасов в своих оценках романов Ж.Санд. Именно это провозглашал христианский социалист Ламенне в «Словах верующего», которые читал Достоевский, и Ж.Санд в романе «Спиридион», с которым знакомил Некрасова Панаев.

Белинский – своеобразное знамя этой эпохи – сильно повлиял на идейное развитие и Некрасова, и Достоевского. Однако Некрасов пойдет дальше Белинского, потому что «злобою сердце питаться устало». Достоевский будет доказывать опасность безграничной веры в человеческие возможности, в справедливый мир без Христа.

Во втором параграфе «50-60-е годы: сопряжение творческих концепций» мы выявляем некоторые общие линии эволюции творческой мысли Некрасова и Достоевского – писателей, находившихся на разных полюсах общественной жизни (один в силу своей редакторской деятельности постоянно вращался в кругу революционеров-демократов, другой стоял у истоков почвеннического направления).

В середине 1850-х годов Россия переживает общественный подъем, вызревают планы народной революции, по-прежнему в обществе слышится негодование на социальные условия жизни народа. Достоевский же и Некрасов открывают и другую правду о народе. При этом нетрудно заметить особое внимание писателей, проявляемое друг к другу. Некрасов думает о Достоевском, создавая свою поэму «Несчастные», Достоевский просит Некрасова написать что-либо для своего почвеннического журнала «Время». Поэт Некрасов возвращается «любящим сыном» к родине, устремляется в народную Русь, на пути к которой «храм Божий на горе мелькнул». Достоевский на каторге осознает себя русским, из народной души, православной в своем существе, принимает снова в свою душу Христа. Кроме того, 50-60-е годы для обоих писателей – это и время осмысления сущности и назначения своего искусства, шире – искусства в целом. И Некрасов (в «Поэте и гражданине»), и Достоевский (в статье «Г-н –бов и вопрос об искусстве») отвергают крайности искусства утилитарного или чистого и утверждают

искусство, рождающее отклик в душах людей, помогающее им «в отыскании идеала».

Третий параграф «70-е годы: открытие Некрасова Достоевским» посвящен анализу статей Достоевского в «Дневнике писателя» о личности и творчестве Некрасова. Мы рассматриваем данные статьи в контексте общественной и литературной ситуации 1870-х годов и выявляем причины особо пристального внимания Достоевского к Некрасову в этот период.

Семидесятые годы XIX века – это время господства народнической идеологии в общественной мысли и расцвета народнической поэзии в литературе. Поэзия народников 70-х гг. выражала стремление авторов изменить русскую жизнь по законам социальной справедливости, их веру в скорое возникновение нового мира, выражала представление интеллигентов-народников о своем долге перед народом. Ф.М. Достоевский тоже часто размышлял о долге интеллигенции; он прямо не спорил с поэтами-народниками, но многие его мысли, высказанные на страницах «Дневника писателя», явно противостоят народническим идеям и надеждам, витавшим тогда в воздухе. И эти мысли часто сопрягаются с мыслью о Некрасове.

Поэты-народники очень много позаимствовали от образа некрасовского подвижника, однако дали ему свое прочтение. Лирический герой стихотворений часто напоминает пророка: он гоним, его не понимают (А.К. Шеллер-Михайлов «Пророк»), он умирает мученической смертью, не отрекшись от своей веры (А.П. Барыкова «Мученица»). В образе пророка или Христа, с одной стороны, была воплощена идея подвижничества, бескорыстного служения другим, с другой – образ оказывался проекцией авторов на самих себя. Они возвели себя в ранг пророков, знающих истину о жизни и несущих в народный мир новое слово о справедливом жизнеустройстве – социалистическом. Создать новый, справедливый социальный строй, в котором не будет обездоленных и угнетенных, – в этом народники видели свой долг перед *народом*. Достоевский настаивал: механическое переустройство всегда обречено на провал. И в необходимости

переустройства писатель сильно сомневался. Долг интеллигенции он понимал несколько иначе, нежели народники: долг – не только в том, чтобы построить для народа светлое будущее, но и в том, чтобы сохранить те духовные национальные ценности, которыми народ живет, признать в народе правду, принять ее в свою душу и склониться перед ней, как блудному сыну. И это долг уже не только перед народом, но перед *самим собой*, перед своей *нацией*. Не о спасении интеллигенцией народа писал Достоевский, а о соединении с ним в национальной идее, в Церкви Христовой. Некрасов, с точки зрения Достоевского, полюбил то, что любит и чтит народ, и в своем творчестве он духовно приобщался к народному миру, соединяясь с ним в православной вере. Именно на примере творчества и личности Некрасова Достоевский доказывал необходимость не социальных преобразований для народа, а духовного приобщения интеллигенции к народному миру, т.е. к национальным православным ценностям, после долгих лет европейского скитальчества.

Вторая глава «Творчество Достоевского и творчество Некрасова: диалог художественных миров» посвящена анализу диалогических отношений художественных миров Достоевского и Некрасова. В первом параграфе мы отдельно рассматриваем раннюю прозу Достоевского и прозу Некрасова; и хотя 1) непосредственного влияния одного писателя на другого еще почти нет, 2) проза Некрасова менее «отделана», художественно завершена, чем проза Достоевского; но уже здесь в содержательном плане намечаются основные линии «пересечений» художественных миров писателей. Далее (второй-четвертый параграфы) исследование структурируется в соответствии с теми темами, в области которых мы находим параллели и пересечения художественных систем Достоевского и Некрасова (тема падшей женщины, тема народной души, детская тема).

Первый параграф «Начало творческого диалога» представляет собой сравнительно-типологическое исследование раннего творчества Достоевского и раннего творчества (в том числе, прозаического) Некрасова.

Сороковые годы – время господства «натуральной школы» в русской литературе. Влияние этой «школы» отразилось на творчестве и Достоевского, и Некрасова. Но в отличие от писателей-натуралистов, Достоевский и Некрасов не сводили человека только к следствию «жизненной грязи». Их интересовали не внешние бытовые подробности, рисующие серость жизни, а то, что скрывалось за ними, – жгучее страдание раненого сердца, болезненный излом души униженной личности. Некрасов не принял «психологический» метод Достоевского, но острая боль писателя за «малость» человека была и его болью. Кроме того, и у Достоевского, и у Некрасова маленький, униженный человек говорит о себе сам. Общность такой творческой установки молодых Достоевского и Некрасова прослеживается не только в их художественных произведениях, но и в фельетонах. На это впервые указала исследователь публицистической прозы Е.И. Журбина. Мы обнаружили и общность эмоционального фона произведений писателей 40-х годов.

В прозе 40-х гг. обоих писателей отражен мир людей, живущих самих по себе, в разладе друг с другом и с миром в целом, они остро чувствуют эту разобщенность и пытаются найти себе место, укрепиться в действительности. Макар Девушкин уходит от реальности, рисуя в своем воображении рай любви и свою любимую Вареньку в нем, потому что очень больно чувствовать себя одиноким. Но все его фантазии не спасли Варю от реального горя. В мечте спасаются от одиночества мечтатели и других произведений Достоевского. Страдают от одиночества и обитатели «петербургских углов» Некрасова, при этом забиваются все глубже в свой «угол» от других. В итоге, объективная (социальная) трагедия рождает трагедию духовную. Человек теряет способность сопереживать, сочувствовать другому и себя лишает той же опоры.

Творческое восприятие современного состояния мира – состояния разобщенности людей – было характерным в 40-е годы и для Достоевского, и для Некрасова. В дальнейшем же эволюция творческой мысли обоих писателей

будет устремлена к поиску пути духовного единения людей. Достоевский этот путь художественно воплощал, часто вспоминая Некрасова.

Во втором параграфе «Тема падшей женщины» раскрыто семантическое наполнение образа падшей женщины в творчестве Достоевского и Некрасова и выявлены особенности творческого использования Достоевским некрасовского стихотворения «Когда из мрака заблужденья...».

Некрасова больше интересует даже не сама падшая женщина, но общество, которое не прощает и не принимает женщину, жертвующую собой ради близких. В таком обществе рвется живая связь, соединенность людей. Такое общество заражает инерцией безразличия и «падшую душу» (см. стихотворения «Убогая и нарядная», «Папаша»). Но в первом некрасовском стихотворении о падшей женщине – «Когда из мрака заблужденья» (1846 г.) – еще есть тот, кто не рвет «связующие нити»: «Верь: я внимал не без участия, / <...> Я все простил и все забыл¹», – искренне говорит лирический герой. Эта мысль окажется очень близкой художественной мысли Достоевского, только иначе преломится в его творчестве. Если Некрасова волнует разъединенность общества, не способного «принять» падшую душу, и он ищет в нем того, кто еще способен «принять» и сострадать, то Достоевского волнуют внутренние источники добра и любви, заложенные в падшей душе, ибо этой душе в творчестве писателя суждено спасти само общество.

По поводу использования Достоевским стихотворения Некрасова «Когда из мрака заблужденья» в «Записках из подполья» во многих работах бытует мнение, будто бы стихотворение Некрасова подвергается писателем острой критике (Б.О. Корман, И. Середенко, В.Я. Кирпотин, Н.А. Наумова). Обосновал иную точку зрения А.П. Скафтымов, подчеркнув то, что подпольный человек не только обличитель, но и обличаемый. Аналогичную точку зрения находим и у И.А. Ильина.

Мы также полагаем, что Достоевский не полемизировал с Некрасовым. Об этом свидетельствуют следующие факты.

¹ Некрасов Н.А. Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Т.1. Л., 1981. С. 34.

1) Достоевский не только в «Записках из подполья» использовал некрасовское стихотворение. Мы рассмотрели все случаи использования писателем стихотворения и пришли к выводу: в творчестве Достоевского отношение того или иного героя к стихотворению «Когда из мрака заблужденья» – это своеобразный индикатор глубины осознания героем своей души, источников добра в ней, своей способности к состраданию. Так, декламация некрасовского стихотворения героем «Села Степанчикова» – это отвлеченная декламация мнимой добродетели. Подпольный человек своим отношением к стихотворению показывает открытое им зло в себе, делая из этого логический вывод о бессмысленности спасения. Поэтому он и «издевается» над благородным порывом некрасовского лирического героя. Для Мити Карамазова это осознание того, что и он может творить добро, и ему *хочется* творить добро. Реакция на некрасовское стихотворение в любом из названных произведений Достоевского – это реакция героя, но не автора.

2) И у Достоевского есть герой, старающийся «спасти» надломленную своей униженностью женскую душу. Речь о романе «Идиот» – о князе Мышкине и Настасье Филипповне (на это указали Ю.В. Лебедев, И.Л. Альми).

3) Если предположить, что Достоевский иронизировал над иллюзорностью мечты Некрасова, то как в его собственном творчестве могла появиться «иллюзорная» мечта, воплощенная в образах Лизы и Сони – падших женщин с высокой нравственностью? Ведь Лиза («Записки из подполья») попытается, а Сонечка («Преступление и наказание») возродит человека, потерявшего духовный центр, человека, тоже в своем роде падшего.

В способности падшей женщины сохранить чистоту своей души, да еще и спасти другую душу, Достоевский воплощал свою веру в воскресение падшего мира.

Третий параграф «Тема народной души» посвящен анализу особенностей художественного воплощения образа русского народа Достоевским и Некрасовым, а также исследованию роли некрасовских строк о народе в произведениях Достоевского.

Ни одно стихотворение Некрасова не занимало так много места в сознании писателя, как стихотворение «Влас». Достоевского привлекала во Власе (глава «Влас» в «Дневнике писателя») сила смирения, с которого, по мысли писателя, начинается покаяние, а значит очищение себя, восхождение к Христову свету. Для Некрасова же важен не путь Власа-праведника в его абсолютной данности (как путь самоочищения), а то, что Влас становится праведником в народном представлении, с народной точки зрения (это подтверждает проведенный нами лингвистический анализ стихотворения). «Крещеная Русь» всеотзывчива, она умеет прощать истинно кающегося. Сам Влас не столько думает о спасении своей собственной души, сколько идет служить другим – собирает на построение храма, а значит дарит частичку света, зажегшегося в его душе, другим; он несет свет в мир. Образ земли русской, переливающейся светом золотых куполов, в последней строфе стихотворения становится у Некрасова символом сопричастности души Власа другим душам. Мы в этом убедимся, если обратимся и к позднему творчеству Некрасова – к стихотворению «Накануне светлого праздника», где уже не один Влас странствует, а весь народный мир объединился в шествии к Богу. Все вместе, все слились в целое: «У Божьего храма / Сходились тропы, – / Народная масса / Сдвигалась, росла, / Чудесная, дети, / Картина была!...»². Для Некрасова народный мир – это всегда целое, где сердце одного открыто навстречу всем. И в легенде «О двух великих грешниках» (из поэмы «Кому на Руси жить хорошо»), безусловно, поэт пытается противопоставить свое видение Власова пути видению Достоевского. Главного героя легенды «великого грешника» Кудеяра так же, как Власа, «совесть осилила»: он отправился в покаянный путь, творя непрестанно молитву. Но не получал прощения потому, что, в отличие от Власа, думал только о спасении своей души. Грехи ему простились только тогда, когда он убил пана Глуховского, зверски издевавшегося над другими. Достоевский этого принять не мог.

² Некрасов Н.А. Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Т.3. Л., 1982. С. 115-116.

До того, как Некрасов создал образ Кудеяра, Достоевский написал роман «Подросток», где есть странник Макар, в котором очень многое – от некрасовского Власа. Странник тоже озарен светом. Но что это за свет – Достоевский здесь подробно не объясняет. Сделает он это в своем последнем романе, написанном уже после некрасовской «легенды». И мы глубоко убеждены в том, что к более ясной «расшифровке» смысла света подтолкнул Достоевского именно Некрасов – своим грешником Кудеяром, который получает прощение, совершив убийство. Достоевский на эту тему размышлял иначе. «Если, – говорит старец Зосима в «Братьях Карамазовых», – злодейство людей возмутит тебя негодованием и скорбью уже необоримою, даже до желания отомщения злодеям, то более всего страшись сего чувства; <...> поймешь, что и сам виновен, ибо мог светить злодеям даже как единый безгрешный и не светил. Если бы светил, то светом своим озарил бы и другим путь, и тот, который совершил злодейство, может быть, не совершил бы его при свете твоём»³. Эта мысль Достоевского имеет глубокие религиозные корни. В набросках к роману есть следующая запись: «Изменится плоть ваша (Свет фаворский.) Жизнь есть рай, ключи у нас»⁴. «Свет фаворский» – таинственный свет, которым просияло лицо Христа при преображении на горе Фавор. Им должно просиять лицо каждого человека, ибо путь человека на земле с точки зрения восточно-христианского учения (см., н-р, работы Григория Паламы) и с точки зрения художника Достоевского – путь к обожению. Каждому человеку свыше предназначено стремиться к безгрешности, совершенствовать свой дух. И Достоевский верил, что можно излечить грешную душу (даже такого злодея, как Глуховского), если светить как единый безгрешный. А так светить может, прежде всего, человек из народа. Пример тому – некрасовский Влас. Поэтому для Достоевского народная душа, страдающая и искупающая свой грех, есть хранилище Христова света, света, преображающего души других. В поэзии же Некрасова свет исходит от народного мира как целого, свет соучастия, отзывчивости, любви. Поэтому любой грех простится тому, кто защищает мир

³ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т.14. Л., 1976. С. 292.

⁴ Там же. Т.15. Л.: Наука, 1976. С. 245.

от Глуховских, даже если применяет силу. Однако при всех выявленных нами различиях в организации образных систем произведений писателей существует важное сходство: и Достоевский, и Некрасов в духовной энергии народной души видели залог будущего преображения России.

В четвертом параграфе «Детская тема» исследуются особенности функционирования образов детей в произведениях Достоевского и Некрасова. Показателен тот факт, что Достоевский всегда берет из поэзии Некрасова и включает в свою художественную систему образы страдающих детей. Они у Достоевского – это и упрек взрослому греховному миру, и источник исцеления этого мира. Так, купец Скотобойников из романа «Подросток», осознав свою вину за погибшего дитя, указывает место в Евангелии: «А кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской» [Мф. 18, 6]. Исходя из этого, в сущности, действовал некрасовский Кудеяр, убивший злодея. Достоевский же дарует своему злодею возможность покаяния и спасения, отправляя его во Власово странствие; и верит Достоевский, что спасется этот «Влас». Ребенок зажег очищающий свет в душе грешника, потому что свет – в нем самом.

Для творчества же Некрасова образы страдающих детей не стали определяющими. Дети в его поэзии предстают в несколько ином семантическом ореоле (см. стихотворения «Крестьянские дети», «Детство (неоконченные записки)»). В их мире – «святая доброта», доброта отношений, основанных на любви и отзывчивости – не только друг к другу, но ко всему миру. Поэтому Некрасов изображает именно детский мир. Взгляд же Достоевского более направлен на индивидуальное бытие ребенка, невинно страдающего, но излучающего горный свет.

В Заключении обобщены и прокомментированы главные выводы, полученные в ходе работы над диссертацией, отражена перспектива дальнейших научных поисков, которую открывает сделанное нами исследование.

Между Достоевским и Некрасовым, никогда близко не сходящимися, было нечто в идейно-художественном, духовном отношении, что покрывало все общественные разногласия и притягивало обоих друг к другу. Их творчество 1840-х годов воплотило трагедию рассыпавшегося на единицы общества. В дальнейшем поэзия Некрасова, устремляясь в глубины народной Руси, открывала особое народное мировидение, все более явно выражала единение русского народа в Церкви Христовой. И в этой духовной энергии народа, в народной «круговой поруке» Достоевский увидел то, что его мечта о всемирном братстве не безосновательна. Художественное воплощение писателем пути духовного просветления героев часто связано с использованием некрасовских текстов. Достоевский у Некрасова всегда берет и приобщает к своей художественной системе те образы, которые заключают в себе духовное содержание, которые заземлены в национальной, т.е. православной, духовности и нравственности, потому что без осознания каждым человеком себя как русского, во всей полноте этого слова, был убежден писатель, невозможно дальнейшее существование России.

Перспективными направлениями развития затронутых в диссертации вопросов являются, на наш взгляд, следующие: изучение идейно-художественного развития Некрасова и Достоевского в 40-е годы с позиции восприятия ими французских социалистических идей; расширение историко-литературного контекста исследования; рассмотрение творческого диалога между писателями как проявления в литературе важной национальной идеи соборности – единения народа в Церкви Христовой.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ ОТРАЖЕНЫ В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ

В ведущих научных журналах и изданиях, рецензируемых ВАК РФ:

1. Кладова Н.А. «Литературный диалог о Влаसे» (Некрасов и Достоевский) [Текст] / Н.А. Кладова // Вестник Костромского

государственного университета им. Н.А.Некрасова. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2005. Специальный выпуск. С. 40-47. 0,65 п. л.

2. *Кладова Н.А.* Ф.М.Достоевский о Н.А.Некрасове в аспекте вопроса о будущем России [Текст] / Н.А. Кладова // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А.Некрасова. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2008. № 3. С. 160-165. 0,5 п. л.

3. *Кладова Н.А.* Концепция долга интеллигенции перед народом в 70-е гг. 19 в. (Ф.М.Достоевский и народники-социалисты) [Текст] / Н.А. Кладова // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А.Некрасова. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2008. № 4. С. 161-165. 0,5 п. л.

4. *Кладова Н.А.* Судьба Н.А.Некрасова-поэта в творческом осмыслении Ф.М.Достоевского [Текст] / Н.А. Кладова // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А.Некрасова. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2009. № 1. С. 59-64. 0,5 п. л.

В других изданиях:

5. *Кладова Н.А.* «Влас» Некрасова в аспекте проблемы «Достоевский и Некрасов. Творческие связи» [Текст] / Н.А. Кладова // Сборник научно-исследовательских работ молодых ученых по программе «Шаг в будущее». Кострома: Авантитул, 2005. С. 197-200. 0,15 п. л.

6. *Кладова Н.А.* Ф.М.Достоевский и Н.А.Некрасов: творческий диалог [Текст] / Н.А. Кладова // Сборник научно-исследовательских работ молодых ученых по программе «Шаг в будущее». Кострома: Авантитул, 2006. С. 179-183. 0, 15 п. л.

7. *Кладова Н.А.* Символический смысл «угла» в ранней прозе Ф.М.Достоевского и прозе Н.А.Некрасова [Текст] / Н.А. Кладова // Материалы XIV Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». Секция «Филология». М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. С. 341-343. 0,2 п. л.

8. Кладова Н.А. «Странность противоречия» в восприятии творчества Ж.Санд в России (В.Г. Белинский, Ф.М. Достоевский, Н.А. Некрасов) [Текст] / Н.А. Кладова // Духовно-нравственные основы русской литературы: сб. науч. статей / науч. ред. Ю. В. Лебедев; отв. ред. А. К. Котлов. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2009. С. 94-97. 0,25 п. л.

Монография

9. Кладова Н.А. Ф.М. Достоевский и Н.А. Некрасов: творческий диалог [Текст] / Н.А. Кладова. М.: Изд-во «Спутник+», 2009. 81 с. 4 п. л.

Подписано в печать 03 октября 2009 г.

Заказ № 2064, 2009 год.

Формат 60х90. 1/16. Бумага офсетная.

Тираж 100 экз.

Отпечатано: Типография ООО «Копир».

156000, г. Кострома, ул. Ленина, д. 10. Тел. 31-52-70, 35-95-81

